

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
Б51

Серия «Шарм» основана в 1994 году

Kerrigan Byrne

THE SCOT BEDS HIS WIFE

Перевод с английского *Н.Л. Холмогоровой*

Компьютерный дизайн *Г.В. Смирновой*

Печатается с разрешения издательства St. Martin's Press
и литературного агентства Nova Littera SIA.

Берн, Керриган.

Б51 Брачная ночь с горцем : [роман] / Керриган Берн ;
[перевод с английского Н. Л. Холмогоровой]. — Москва :
Издательство АСТ, 2020. — 352 с. — (Шарм).

ISBN 978-5-17-114809-6

Гэвин Сент-Джеймс, граф Торн, — самый прославленный обольститель — намерен решительно изменить свою жизнь. А для этого необходимо, во-первых, заполучить некое поместье, идеальное для его планов по разведению скота, а во-вторых, — поскольку другого способа завладеть поместьем нет — жениться на его владелице...

Выросшая на Диком Западе Саманта Мастерс — далеко не скромная викторианская дама. Она носит брюки, ругается, как старый ковбой, и может сама о себе позаботиться. Но обстоятельства складываются так, что ей тоже необходимо срочно выйти замуж. Так что предложение Гэвина принимается с благодарностью...

Однако венчание — это не конец, а только начало. Как же сложится невероятная семейная жизнь неистового горца и независимой американки?..

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Kerrigan Byrne, 2017

© Перевод. Н.Л. Холмогорова, 2019

© Издание на русском языке AST Publishers, 2020

ISBN 978-5-17-114809-6

*Р.Л. Меррил и Эллей Брентон.
Что было бы с этой книгой без вас?*

Пролог

Замок Рейвенкрофт, Уэстер-Росс, Шотландия

Мальчик, которого все звали Торном, потерял девственность накануне своего шестнадцатилетия. А невинность — намного раньше. Так рано, что едва ли осознал утрату.

В тот вечер отец купил шлюху по имени Тесса Макграт и привез ее в Рейвенкрофт. Он стал не первым и не последним, кто приглашал продажных женщин, чтобы сделать своих мальчишек мужчинами. Но Торн был слишком молод — и не догадывался, что Хеймиш Маккензи не собирался учить сыновей искусству любви.

Хеймиш хотел сделать из них чудовищ. Таких же, каким был сам.

Среди горцев Тесса Макграт славилась искусностью в темной стороне любовных утех; однако, принимая предложение лэрда Маккензи, она не представляла себе бездонных глубин его жестокости.

Впрочем, она принесла с собой набор «игрушек»: мягких кнутов и плеток, кожаных постромок, веревок для связывания и иных любопытных штучек, которым даже пытливый ум мальчишки в возрасте Торна не мог подобрать применения.

Стоя бок о бок со старшими братьями, ужасно волнуясь, смотрел он, как отец привязывал соблазнительную нагую женщину к кровати, и то и дело косился на братьев, Лиаму и Хеймиша, пытаясь по выражению их лиц понять, что сейчас следовало чувствовать и чего ждать.

Угольно-черные глаза Хеймиша-младшего, бастарда, носившего имя отца, горели хищным огнем. Нескрываемое зло-

радное предвкушение на его лице смущало Торна и ставило в тупик. Он знал, что Хеймиш — не девственник, в свои двадцать он уже мог похвастаться множеством побед над женщинами, в том числе победами, добытыми силой.

Лиам же, наследник Рейвенкрофта, едва достаивал обнаженную женщину взглядом. Он не сводил глаз с отца, и на лице его читалось какое-то мрачное опасение. Лиам, рожденный между Хеймишем и Торном, был сыном первой жены лэрда Маккензи. Той, что умерла.

Умерла, как гласили слухи, от руки лэрда.

Взгляд Торна снова метнулся от Лиама к отцу. Они были очень похожи. У обоих — длинные волосы, черные, как вороново крыло, полночно-темные глаза. Лица же — суровые, пожалуй, мрачноватые. С удивлением мальчик заметил, что Лиам вытянулся почти вровень с отцом; оба они казались ему мощными, несокрушимыми — словно дубы в лесу Инверторна. Торн не знал, была ли у Лиама женщина... или женщины. В последнее время они мало разговаривали. И все же Торн любил Лиама так пылко, как только может мальчишка любить старшего брата.

Лиам не знает страха. Он сильный и суровый, но всегда готов защищать брата. Когда Торн был маленьким, Лиам показал ему, где можно спрятаться от отца во время его приступов бешенства. И не раз принимал на себя оплеухи и удары кнута, предназначавшиеся Торну.

За это Торн любил брата, будет любить его до самой смерти, что бы ни случилось.

Маленьким Торн прятался в укромных уголках и закоулках Рейвенкрофта, а когда подросток, старался как можно реже бывать дома.

Тесса Макграт была чудо как хороша. Миниатюрная, стройная, с бледной гладкой кожей и родинками — знаками любви — в таких местах, о которых он много фантазировал, но никогда еще не видел воочию. Под высокой грудью... На бедре... И прямо над завитками волос между ног.

Вид обнаженной женщины очень его возбуждал. И еще сильнее возбуждали ее телодвижения — она так соблазнитель-

но извивалась в своих путях, так мурлыкала, умоляя сделать с ней то, что женщины до сих пор делали лишь в его фантазиях. О боже! Она произносила все это вслух!

«Завтра, — думал Торн, — непременно расскажу обо всем Каллуму!»

Каллум, сын старшего конюха, был на год или на два моложе Торна; однако вот уже много лет они вместе бродили по Уэстер-Россу, взбирались на Гришем-Пик, скакали по бескрайним просторам лугов Эррадейла — и давным-давно стали лучшими друзьями. В последнее время Каллум повадился таскать душистый табак из табакерки своего отца; этот табак они раскуривали вместе, устроившись в укромном уголке за пастбищами и любуясь тем, как волны бьются о черные утесы, или смеясь выходкам пушистых и рыжих горных телят.

И говорили почти только об «этом». Обнаженная женщина — какая она? А на вид? На ощупь? Что с ней можно сделать? А что она (будем надеяться) захочет сделать с ними?

Еще они подглядывали за миссис Росс — статной черно-волосой молодой женщиной с сияющими голубыми глазами и бесконечно соблазнительной походкой. Миссис Росс была сильна и полна жизни, звонкий смех ее разносился далеко над лугами, и мальчишки, услышав этот смех, невольно улыбались. Одевалась она как настоящая леди, хоть и была женой простого скотовода.

Иной раз, в особенно теплые и солнечные дни, забравшись на какой-нибудь из высоких камней у подножия Гришем-Пика, мальчишки смотрели, раскрыв рты, как Джеймс Росс обихаживал свою хорошенькую женушку прямо у амбара — на глазах у Господа Бога и равнодушных коров. Платье и все прочее она не снимала, и сам акт любви, к большому разочарованию мальчиков, скрывали бесконечные нижние юбки. Все происходило быстро и громко, а потом муж и жена переводили дух и смеялись — обнявшись и не сводя друг с друга глаз.

— Вот на такой я бы женился! — сказал однажды с легким ирландским выговором Каллум.

— И я, — с готовностью согласился Торн.

Хотя... если честно, он скорее выбрал бы женщину, похожую на его мать. Изящную, с мягким голосом и очень добрую. Таковую, чтобы никогда не сердилась. О миссис Росс такого не скажешь; мальчики не раз слышали, как она кричала на мужа, а однажды даже запустила в него башмаком — попала прямо в зад!

Разве леди так себя ведут?

Вот мама никогда бы так не поступила!

Хотя у нее и возможности нет. Отец наверняка ее убьет, если она хотя бы голос на него повысит — что уж говорить о летающих башмаках!

Боже, как же Торн ненавидел отца! Почти так же сильно, как боялся.

Ну почему он не родился в семье простых людей, вроде Россов? Пусть с землей, с состоянием (он слышал, что у Россов денег хватает), но вовсе не знатных — безмятежно счастливых жителей зеленого королевства, где Торн частенько искал утешения, сбежав из мрачного мира родителей.

Что ж, в следующий раз, когда им с Каллумом удастся ускользнуть, Торн расскажет ему, что сегодня ночью стал мужчиной! Расскажешь, что сделал с настоящей живой женщиной все то, о чем они фантазировали долгими летними вечерами — и еще многое, многое другое!

Порой он чувствовал, что почти ненавидел Каллума. Ненавидел, потому что завидовал. Ведь при таком отце — ворчливом, но добром и справедливым, Каллум мог сколько угодно носиться по горам и болтать все, что только в голову взбредет.

Сам же Торн на восьмом году жизни — после смерти дяди с материнской стороны — сделался графом и наследником рода Сент-Джеймсов. Замок Инверторн, что на севере, принадлежал ему, хотя управлял им отец — как его опекун.

Но титул для Торна ничего не значил. Куда важнее было то, что он сообразителен, умеет красиво говорить, — а значит, завтра опишет ночь с Тессой Макграт в таких красочных подробностях, что у Каллума от зависти глаза на лоб полезут!

Мог ли он знать, что и об этой ночи, и обо всем, что за ней последовало, решится рассказать Каллуму лишь много лет спустя?

Торн больше не думал о будущем: вид соблазнительной нагой женщины, распростертой перед ним на постели, захватил все его чувства.

Но в следующий миг лэрд достал кнут — свой любимый, — и радостное возбуждение Торна опало и съежилось, как съеживается мелкий зверек, почуяв запах хищника.

Кнут Хеймиша — излюбленное его орудие, несущее боль и ужас, — хранился в роду Маккензи со времен древнего Рима. Легенда гласила, что пикт, дальний предок Маккензи, вырвал этот кнут из рук легионера и забил его до смерти его же собственным кнутом.

Торн не знал, правда ли это, но хорошо знал и боль от «поцелуев» этого кнута, и долго незаживающие шрамы, что оставлял он на теле.

Отчаянное «нет!» сорвалось с его уст, когда лэрд занес кнут над спиной мурлыкавшей женщины. Она выгнулась, сладко ахнула в предвкушении... И два страшных удара обрушились на нее, вспарывая и раздирая безупречно гладкую кожу. А из груди женщины вырвались два пронзительных вопля.

Торн отшатнулся, когда отец перешел на их с Лиамом сторону кровати и протянул им свое ужасное орудие — рукоятью вперед.

— От каждого из вас — по два удара! — приказал отец.

— Она же умрет! — воскликнул Торн, не удержавшись.

Сейчас он ненавидел себя за то, как дрожал его голос, за то, что не мог сдержать дрожь, глядя на кровь, струившуюся по женской спине.

Кулака отца, летевшего в лицо, он не видел — должно быть, инстинктивно прикрыл глаза. Увидел только звезды перед глазами и ощутил, как рот его наполняется кровью.

— По два удара. На каждого, — повторил лэрд. — Можете распределить их между собой как захотите — мне плевать. Но она не встанет с этой кровати, пока не получит еще шесть кнутов.

Никто из младших Маккензи не произнес ни слова. Все боялись даже дышать. Однако, покосившись на Лиама, Торн прочел в его глазах ненависть к отцу, не уступавшую его собственной.

— Или это сделаете вы, — добавил лэрд со злобной усмешкой, — или я сам.

Хеймиш-младший потянулся за кнутом, на лице его читалось и смущение, и опаска, и предвкушение.

— Нет! — Лиам шагнул вперед и почти вырвал кнут из руки отца, прежде чем до него дотянулся Хеймиш. — Это сделаю я!

Шесть ударов кнутом... Шесть нескончаемых пронзительных воплей... Шесть вечностей в аду...

Когда все закончилось, щеки Торна были мокрые от слез. Оплакивал он не только девушку, но и брата Лиама. Своего героя. Спасителя. Оплакивал его падение — то, как Лиам, лучший из них троих, вершил насилие над беззащитной женщиной, и в лице его — в тусклом свете свечей — было все больше тьмы, все больше ярости, все больше сходства с отцом.

Торн знал, что никогда этого не забудет.

В глубине души он понимал: у брата не было выбора. Если не он — то отец. Быть может, для того Лиам и взял это на себя — хотел уберечь братьев от столь ужасной обязанности.

И еще Торн знал: лицо этой женщины, искаженное болью и ужасом, будет преследовать его в ночных кошмарах до конца его дней.

Эта ночь изменила все.

И кнутом дело не закончилось. О нет, с кнута все только началось!

Целый час, повинуюсь приказам лэрда, трое его сыновей делали с избитой окровавленной женщиной то, о чем постыдно думать и невозможно рассказать. Но и это был еще не конец.

Да-да, когда лэрд наконец-то отвязал женщину и выставил за дверь — это был еще не конец. Для Торна ужас только начинался.

Мрачная гордость и удовлетворение светились в глазах лэрда Маккензи, когда он смотрел, как Лиам провожал жен-

щину до дверей. Шла она с трудом, но, к чести ее, отталкивала руку Лиама, желавшего ее поддержать, и проклинала их всех, требуя возместить ущерб.

— Редкая девушка, — заметил Хеймиш-старший. — Так и не сломалась... — Он обратил холодный взгляд на Торна.

А тот уже не плакал, слезы закончились у него где-то в середине всего этого. Он ненавидел себя, чувствовал себя покрытым грязью с ног до головы — и знал, что никогда не отмоется.

Торн опустил взгляд на свои руки — и ощутил острое желание их отрезать. Боясь совершить какую-нибудь несказанную глупость, он скрестил руки на груди, обхватив себя за плечи. Увы, мышц под ладонями почти не чувствовалось. Как хотел он сейчас быть таким же мускулистым, как Лиам, или хотя бы плотным и мясистым — как Хеймиш!

Но он — всего лишь мальчишка. И ничто из того, что пережил он за этот час, не сделало его мужчиной. Так что ему нечего было рассказать Каллуму. А если попробует — Каллум выслушает его рассказ с омерзением или, того хуже, с жалостью.

— Нет на свете ничего позорнее и презреннее слабости! — отчеканил лэрд, впившись Торну в лицо своими змеиными глазами. — Ты весь в свою мать! Что ж, по крайней мере, двое моих старших — настоящие мужчины! — И он хлопнул Хеймиша по плечу.

— Отец, эта шлюха, возможно, заговорит, — заметил Хеймиш-младший. — И у нас возникнут неприятности.

— Не беспокойся. Есть много способов заставить ее молчать.

От этих слов, — а еще более от тона, каким они были сказаны, — Торн содрогнулся. Ему хотелось разорвать себя на части, содрать собственное жалкое мясо с ни на что не годных костей. Хотелось бежать из этой комнаты и никогда не возвращаться. Хотелось сорвать с сапога отца острую шпору, воткнуть ее в черный отцовский змеиный глаз и положить конец мучениям матери и своим.

Но знал: даже если и решится на такое — с отцом ему не совладать.

«Пока не совладать!» — мысленно добавил он, чувствуя, как вскипает в сердце ненависть.

— В Гэйрлохе сегодня вечеринка, а кровь у меня все еще кипит, — зевнув, заметил лэрд. — Пожалуй, поеду туда поразвлечься.

— Отец, можно и мне с вами? — спросил Хеймиш.

— Что ж, едем вместе. Там будет одна бабенка, к которой я уже давно присматриваюсь, и сегодня она точно не скажет «нет»!

И Торн остался один. Обнаженный — если не считать килта и одного шерстяного чулка.

Он не знал, сколько простоял так, во тьме, едва разгоняемой тусклыми огоньками свечей. Колеблющиеся тени на стенах болезненно напоминали об ужасах, свидетельницей которым стала сегодня эта спальня. Сбитые простыни, пятна крови... О боже! Он отвернулся, не в силах смотреть.

Наконец к нему вернулась способность двигаться, и ноги понесли его по коридорам в то единственное место в мрачном замке, где он находил утешение, — в покои матери. Скрип двери пробудил ее от дремоты. Торн едва помнил, как бросился на пол у ее ложа и рассказал ей все. Помнил, как смутно, словно сквозь сон, спрашивал себя: ощутит ли она исходящий от него запах женщины... и позора? Не решит ли она, что он стал таким же, как отец? Будет ли и дальше его любить?

Когда рассказ был закончен, мать прижала его к себе и долго сидела так в темноте, и на лоб Торна капали ее горячие слезы.

— Прости, — прошептала она наконец. — Прости за то, что этот человек стал твоим отцом. Если бы я только знала!.. Я бежала бы на другой конец света — только бы избежать этого брака! Но пойми, мне было всего шестнадцать. Он вел дела с моим отцом, а я... я была слишком наивна, не понимала, что он за человек. Если бы можно было повернуть время вспять и все изменить, я бы выбрала тебе совсем другого отца!

Теперь Торн вдвойне ощущал свою вину — еще и из-за того, что явился к матери и расстроил, сложив свои грехи у ее ног. Но куда еще ему было идти?

— Отец хочет превратить нас в таких же, как он сам, — прошептал Торн. Тьма окружала его со всех сторон — и таким же беспросветным, как мрак в этой спальне, было его отчаяние. — Что же мне делать?

Руки матери — маленькие, слабые, всегда готовые задрожать — обхватили его лицо и с неожиданной силой повернули к себе. Он ощущал на лице ее теплое дыхание, и казалось, что, несмотря на непроглядную тьму, мать каким-то образом его видела.

— Не будь его сыном, не будь Маккензи, — проговорила она шепотом, но с такой страстью, какой он никогда еще не слышал от своей матери. — Хеймиш — его сын. Лиам — его сын и наследник. Но ты, сердце мое, — ты мой. Прости, что не могу защитить тебя от него, но помни об этом, всегда помни! Ты — граф Торн. Хозяин замка Инверторн. Мой прекрасный, умный, добрый мальчик. Обещай мне, что всегда останешься добрым! Что никогда не прикоснешься к женщине иначе, чем с лаской и любовью. Никогда не станешь упиваться жестокостью. Что пойдешь по жизни своим путем — прочь от этого замка, и клана, и всего трижды проклятого наследия твоего отца!

— Клянусь, — ответил Торн и тут же ощутил, как эта клятва затвердевает в груди и холодным камнем ложится на сердце. — Я не его сын. Я — не Маккензи.

Мать снова прижала его к себе и омыла его грехи слезами. Быть может, плакать в объятиях матери не по-мужски, но сегодня Торн не хотел быть мужчиной. Сегодняшняя ночь стала утешением для них обоих — утешением за все ночи, когда Торн пытался защитить мать от отца, но тот отбрасывал его, словно котенка. И теперь они с матерью стали равными — соединенными одной ношей, одной болью. И одним именем.

Да, ему необязательно быть сыном Хеймиша Маккензи.

В прежние времена имя и наследство у кельтов передавалось по материнской линии. И сейчас ему не нужно имя Маккензи, чтобы найти свое место в жизни. Он станет пра-

родителем собственного рода. Хозяином собственной земли. Властителем своего собственного наследия.

И он женится на той, которую полюбит. И будет беречь и защищать своих детей. С ним они будут в безопасности. Никогда не узнают ни страха, ни ненависти, ни сокрушающего душу стыда.

Они будут гордиться своим именем. Его именем...

Должно быть, Торн задремал в объятиях матери, из сна же его вырвал грохот, подобный грому.

— Прячься! — вскричала мать сквозь рыдания. — Он ломает дверь!

— Элинор! — Одна из дубовых досок двери затрещала под мощным сапогом лэрда. — Смеешь запираяться от меня в моем собственном доме?! Напомнить тебе, чем это кончилось в прошлый раз?

О боги, он напился! Это было слышно по голосу.

— Прячься, скорее! — взмолилась мать, инстинктивно прикрывая сына своим телом.

— Нет! — заявил Торн.

Ростом он не превышал свою миниатюрную мать, однако поклялся, что больше не станет прятаться. Он будет защищать мать как мужчина, если понадобится — ценою собственной жизни.

Первое, что он увидел, когда лэрд вышиб наконец дверь и ворвался в комнату, был кнут.

Торн знал: даже если доживет до ста лет — никогда не забыть ему, как выглядел отец этой ночью.

Он не был разъярен — о нет! Не был в гневе. Все эти слова к нему не подходили. Казалось, он даже не запыхался, ломая дверь. А черные глаза его горели жестоким торжеством. Он походил на варвара, грабившего захваченную деревню, — варвара, пьяного от грабежа и насилия, упивавшегося кровью и собственной жестокостью.

— Чтoб вас обоих!.. — взревел отец и нетвердым шагом направился к ним. Тусклый свет из распахнутой двери освещал его мощную фигуру. — Знаешь, что я думаю? — проговорил

он, схватив Торна за плечо так крепко, что тот, кажется, услышал хруст костей. — Слишком уж ты мелкий и смазливый, чтобы быть моим сыном! Будь ты девчонкой, я бы еще поверил. Но ведь мои сыновья, как на подбор, brave парни, крупные и чернявые, как я. Один ты какой-то лягушонок! Натянуть на тебя платье — так все решат, что ты баба!

— Хеймиш, прошу тебя!.. — взмолилась мать. — Оставь его в покое. Разумеется, он твой сын!

— А может, ты, Элинор, любовничка себе завела, а?

Торн слышал улыбку в голосе отца. Лэрд знал, какой ужас вызовет его вопрос — и наслаждался этим.

— Ни за что! — с рыданием воскликнула мать. — Никогда я не посмела бы нарушить брачные обеты!

— Вот в это верю! — фыркнул отец. — На такое у тебя ни духу не хватит, ни хитрости. Но из этой хнычущей девчонки я сделаю мужчину!

И Хеймиш пустил в дело кнут. Он бил, и бил, и бил — и удары ложились со сверхъестественной точностью, хотя в комнате царил тьма.

Торн знал, что кричать нельзя, однако не мог сдержаться. Кнут скоро промок от его крови, на спине зияли раны, и каждый следующий удар превращался в адскую пытку. Торн уже не понимал, кто кричит так пронзительно и душераздирающе — он или мать, он знал лишь одно: это должно прекратиться... прекратиться... прекратиться...

И тут что-то темное, почти сверхъестественное охватило его и придало сил. Торн вывернулся из железной хватки отца, перехватил кнут и вырвал его из отцовской руки. Ярость и инстинкт направили его руку, и он нанес ответный удар, впервые в жизни испытав жестокую радость, когда понял, что кнут испарывает кожу отца.

Но радоваться победе ему довелось всего несколько мгновений. А затем отец вдруг обхватил сына поперек живота — и выбросил в окно второго этажа.

Падение длилось недолго — Торн даже не успел испугаться смерти. Едва он начал понимать, что может умереть, как

падение на мерзлую землю прекратилось. Плечо, до самой шеи, охватил огонь, и все звуки исчезли — исчезло все, кроме холода и невыносимой боли.

Но почти тут же тишину разорвали отчаянные крики матери, и эти крики поразили Торна, словно удар ножа в сердце.

Торн попытался подняться, но плечо откликнулось ужасной болью, так что он едва не потерял сознание.

Рука! Он не может шевельнуть рукой!

Крепко сжав зубы, он схватился здоровой рукой за поросль мха на стене и, цепляясь за нее, приподнялся на колени. Дышать по-прежнему получалось через раз.

Сверху донесся какой-то треск, а затем — пронзительный визг, внезапно оборвавшийся.

— Мама? — выдохнул Торн.

Молчание.

— Мама, мама, ответь!

— Да ты никак жив? — В окне второго этажа показалась голова отца. — Смотри-ка, щенок оказался крепче, чем я думал. Только не порти впечатление — не вздумай реветь по матери!

— Что ты с ней сделал?! — выкрикнул Торн.

— Заткнул ей рот, — пьяным голосом ответил лэрд. — Ничего страшного, просто толкнул. Извини, не заметил, что там стоял сундук. Но не я же ударил ее об этот сундук головой!

— Я убью тебя! — выкрикнул Торн, мысленно проклиная свой ломающийся мальчишеский голос. — Убью, слышишь? Если она мертва, клянусь Христом и всеми старыми богами, ты тоже покойник!

Лэрд расхохотался в ответ. Хохотал громко и долго, от души. И Торну казалось, что этот смех выдавливал по капле то, что осталось от его сердца.

— Вот это вред ли! Нет, ты не убийца! — И отец снова покатился со смеху — эта мысль безмерно его развеселила. — Так вот, пока не научишься убивать, в этом замке больше не появляйся! В следующий раз, когда мы встретимся, лучше тебе, трусишка, быть готовым бросить мне вызов!

Наверное, целый полк англичан не смог бы устроить замку Рейвенкрофт такую осаду, какую предпринял Торн той ночью. Словно бешеный зверь бился и рвался он в каждую запертую дверь. Тяжелым камнем разбил окно на первом этаже, исцарапался в колючем терновнике — лишь для того, чтобы обнаружить, что не сможет влезть в окно, помогая себе лишь одной рукой.

Торн так и не узнал, что привело Каллума тем утром под стены замка. Не узнал, сколько часов бродил под стенами, выкрикивая бессвязные проклятия, прежде чем верный друг обнаружил его, бесчувственного и полузамерзшего, на холодной земле под окном материнской спальни. Он смутно помнил, как далеко на востоке, над горами Кинросс, занимался серебряный рассвет. Помнил, как не мог шевельнуться от холода, как сорвал голос, но продолжал кричать. И это кричала его душа.

И Торн помнил свою клятву. Перед тем как лишиться чувств, он поклялся, что вернется сюда, когда научится убивать.

Этой ночью Торн видел свою мать не в последний раз. Но в последний раз она видела его.